

Цена 15 коп.

Индекс 70668

● ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ОДЕЖДУ, МЕХ, КОВРЫ
НАДЕЖНО ЗАЩИТИТ ОТ МОЛИ
ПРОТИВОМОЛЕВАЯ ПРОПИТКА.

Заказы на обработку вещей проти-
вомолевым препаратом принимают
предприятия химчистки.

Противомолевый препарат не име-
ет неприятного запаха и действует
в течение 6 месяцев.

Росбытреклама

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЕК

№ 14

1988

ISSN 0132-2095

Сергей ОСТРОВОЙ

ЦЫГАНЕ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

Сергей ОСТРОВОЙ

ЦЫГАНЕ

ПОЭМА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Сергей ОСТРОВОЙ

Сергей Григорьевич Островой родился в Новосибирске. После окончания школы он переезжает в Томск, где в течение двух лет работает репортером в газете «Красное знамя». Затем — Москва. Работа в «Крестьянской газете», в «Учительской газете», в «Гудке».

В первые же дни войны Сергей Островой ушел добровольцем на фронт. Награжден орденами Отечественной войны первой и второй степени, медалью «За боевые заслуги» и многими другими медалями. За литературный труд награжден орденом «Знак Почета» и орденом «Дружба народов».

Часто стихи Сергея Острового становятся песнями. Он многократный лауреат песенных конкурсов и фестивалей. Широко известны его песни: «В путь-дорожку дальнюю», «Это было в Краснодоне», «Вечерком на реке», «Жди солдата», «Ты Россия моя», «Песня остается с человеком», «Гуцулочка», «Потолок ледяной, дверь скрипучая», «Дрозды», «У деревни Крюково» и др.

Поэма «Цыгане» является — по свидетельству автора — плодом его многолетних поисков. В детстве он попал в цыганский табор и шел к этой поэме через всю жизнь. В каком-то смысле поэма автобиографична.

Сейчас Сергей Островой — автор более тридцати стихотворных книг. Он лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

ЦЫГАНЕ

1

Мальчишкой я бежал к цыганам.
Туда, где, прячась от погонь,
За черным лесом, за туманом
Кричал в ночи цыганский конь.

Кого он звал? Чью душу тешил?
Кому он сердце бережил?
Куда скакал он, этот леший,
Без поводков и без удил?

И только свист по косогорам.
И только скорости заряд.
И только дробным перебором
Копыта с небом говорят.

Летит, летит душа лихая.
И прочь с пути. Ее не тронь.
И песня. Рваная. Глухая.
Толчками. Как земной огонь.

По перелескам. По курганам.
По тропкам, падавшим в траву.

...Мальчишкой я бежал к цыганам.
И помню все, пока живу.

2

Переплеск кочевых ветров.
Крылья рваные у шатров.

Крылья латанные. В росе.
Солнце красное в колесе.

3

Три кибитки. Как три сестры.
Пляшут розовые костры.

Три старухи. У трех костров.
Крылья рваные у шатров.

Крылья латанные. В росе.
Перепелка кричит в овсе.

Тишина. Никого вокруг.
Хоть бы чей-нибудь голос вдруг.
Переплеск

кочевых

ветров.

Три старухи. У трех шатров.

3

И никого. А день в разгаре.
И тень с землей накоротке.
А где же люди? На базаре.
Коней

торгуют

в городке.

Жара... Томится день от жажды.
Густеет солнечный медок.
А вам случалось, хоть однажды,
Попасть в такой же городок?!

Посад минуя мешковатый,
У колокольни постоять,
Покуда колокол щербатый
Свою

выписывает

ять.

Пройти вдоль улочки старинной.
На лопухе поворожить.
И тихой песней тополиной
Шальную душу ублажить.

Здесь тишина берет поборы
За громкий звук. Как за беду.
И хоть кругом стоят заборы,
А жизнь все время на виду.

Всё уследят тут. Мир и свары.
И все течет своей порой.
И лишь воскресные базары
Легко

ломают

этот

строй.

4

Сапог смоляной,
Жилет плисовый.
Ах цыган ты, цыган,
Черт анисовый.

Ишь ты черный какой,
Под стать вóрону.
Как серьгой поведешь —
Черти в сторону.

Ты мастак, ты знаток
Конской удали.
Ох и конь у тебя,
Не из чуда ли?

И откуда такой?
Кем он даденный?
Может, купленный он?
Может, краденый?

Красотой знаменит
Прихорошенной,
Жеребец вороной
С челкой скошенной.

Вороной. Озорной.
Набалованный.
Да цыганской душой
Околдованный.

5

Базар горланит спозаранка.
Летит заря из-за угла.
Как будто вот она, цыганка —
Цветастой

шалью

повела.

5

Как будто небо по излукам
Взошло оранжевым цветком.
Все светом полнится. И звуком.
На этом торжище людском.

Тут столько всяческих отличий.
И посреди примет иных —
Коровий мык. И гогот птичий.
И запах пряностей земных.

В мучных ларях крупа и ржица.
Тут свой расчет. И свой навар.
И ну до одури божиться.
И ну выхвалять товар.

И только сто́ит зазеваться,
Уйдешь порожним. Налегке.
Хоть десять раз, а может, двадцать,
Рука
 ударит
 по руке.

И с перебором, с перекосом,
Нажива тянется к мешку.
И хриплым эхом стоголосым
Базар
 идет
 по городку.

Стар городок, а не калека.
Еще он вовсе хоть куда.

И это все — начало века.
Девятисотые года.

6

И тогда старуха сказала:
— Тебе чего надо?
— Хочу поглядеть.
— Чего поглядеть?
— Как цыгане живут.
— А ты откуда пришел?
— Из города.
— А денежка у тебя есть?

— Одна есть.
— Вот и давай ее сюда.
— А зачем?
— Погадаю тебе.
— А это как так? Погадаю?
— Да так. Сядь рядом.
Дай мне руку свою.
Я тебе про все расскажу.
Что было.
Что будет.
Что ждет тебя впереди.
Хорошая у тебя рука.
Сто лет жить будешь.
Богатым будешь.
Счастливым будешь.
Сильным.
А у нас пожить хочешь?
— Хочу.
— А папка с мамкой искать будут?
— Они не найдут.
Они не знают, где я.
— Хорошим цыганом будешь.
Вон ты какой брунет.
Бедовый. Да черненький.
Хочешь, Гриша, я тебе сказку скажу.
Цыганскую.
— Меня не Гриша звать. А Сережа.
— Нет, теперь ты будешь Гриша.
А сказку не я придумала.
Ее еще до меня придумали.
А кто придумал, да как его звали —
Не скажу. Не знаю.
А теперь слушай. Да запоминай.
Я говорить буду:

«В каком, не помню, лете,
(Ну, чем не хороша!)
Жила-была на свете
Цыганская душа.

Ей век бы жить без дури,
Журчи себе ручей,
А ей хотелось бури.
Погромче. Позвончей.

На тучах покататься.
Задаром. Без гроша.
И ну пошла скитаться
Цыганская душа.

Другой от этой доли
Упал бы неживой.
А ей хотелось воли.
Да песни гулевой.

И жизнь ее ломала.
И жгла любовь дотла.
А ей все мало. Мало.
Такой она была.

То громко захохочет.
То вдруг заплачет всласть.
А то плясать захочет,
Любому вихрю в масть.

И удержу не зная,
Всех вытрясет до дна.
Шальная. Озорная.
Хмельная без вина.

Прошла огонь и воды.
Хватила через край.
Ей карту из колоды
Любую выбирай.

А ей все мало. Мало.
Как тут ни ворожи.
Судьба ее ломала.
Кидала на ножи.

Ее давила туча.
И жизнь уже ни в грош.
Ан, нет! Она живуча.
Так просто не возьмешь.

И веря в долю эту,
И волею дыша,
Летит,
 летит
 по свету
Цыганская душа...»

Заливистый свист на кургане.
 — Эгей, вороны! Эге-е-е-ей...
 А это с базара цыгане
 Непроданных гонят коней.

Трясется проселок спросонок.
 Рубахи в закатном огне.
 Летит впереди цыганенок
 На взмыленном черном коне.

От свиста заходятся травы.
 Попробуй, его догони!
 Цыганские эти забавы
 Тревожат меня искони.

И где-то в степи или в поле,
 Где песня водила меня,
 Под дикие посвисты воли
 Я на́смерть влюбился в коня.

Какой бы ни шел стороною,
 В какие б ни встал стремяна,
 А это со мною. Со мною.
 Навечно. На все времена.

Но это потóm. А покаместь —
 Роняет жар-птица перо.
 Сражается с завистью зависть.
 Дерется добро за добро.

По табору ходят причуды.
 Шумит по шатрам непокой.
 И звонко, как отзвуки чуда,
 Ржут кони за ближней лукой.

Приходит луна с ночевою.
 И в нечет играет. И в чет.
 И песней своей кочевою
 Цыганка цыгана влечет:

— Я зову тебя, зову,
 Сердце песней мучаю.

Уроню кольцо в траву,
Как звезду падучую.

Сколько всех, а ты один.
Огневой. Да статный.
Повелитель. Господин.
Свет мой незакатный.

Повенчают звезды нас.
Приходи скорее.
Сколько в мире чёрных глаз,
А мои чернее.

Ты мне дорог.
Ты мне люб.
Я в любви везучая.
Сколько в мире жгучих губ,
А мои всех жгучее.

Я зову тебя, зову,
Сердце песней мучаю.
Уроню кольцо в траву,
Как звезду падучую.

8

Я живу в этом таборе.
Я неделю живу.
То, что раньше мерещилось —
Обожгло наяву.

Эти жесты картинные.
Будто выход с туза.
А под красками пестрыми
Сиротится слеза.

Сиротится. И прячется.
Да не спрячется. Нет.
Белой струйкой по смуглому
Растекается след.

Где-то песня заплакала,
Как беспутная дочь,
Перед тайным венчаньем
Убежавшая в ночь.

Все тут в таборе смешано.
Простодушье и злость.
То прибыток наваристый,
То худющая кость.

Смесь добра и жестокости.
Прямодушья и лжи.
Вожаку окаянному
Только слово скажи!

Свистнет кнут. И не ойкни.
Не противься судьбе.
Не за нрав, а за норы —
Будет худо тебе.

Стань покорным. И смиренным.
Вожаку не перечь.
Он за бойкое слово
Может насмерть засечь.

Он твой бог. И расправа.
И обида. И месть.
А цыганская воля?
А цыганская честь?

А рассказы да сказы,
Будто только затронь —
И цыгане, хоть в пропасть?
Хоть живыми в огонь?

И неистовый Данко
Вырвет сердце свое...
Или это все небыль?
Цветное вранье?

9

А милостыни не просили.
Не христарадничали. Нет.
А шли и шли. По всей России.
Горячий оставляя след.

Прямые версты. И кривые.
Да узкоплечие столбы.

Лежат дороги кочевые,
Как будто линии судьбы.

Гадай по ним, по тем дорогам.
На счастье. Или на беду.
И нет, не спорь с цыганским богом.
И не тревожь чертей в аду.

Они цыгану не подмога.
Тут только в чем-то оплошай --
И сгинешь враз за ради бога.
Нет, сам суди. И сам решай.

Сам. Только сам. И не с того ли,
Другим народам не в укор.
Живет в цыганах удаль воли,
Лихой судьбе наперекор.

Глядишь, вот-вот погаснет сила,
Вот-вот сломаются крыла.
Ан, нет! И гибель не скосила,
И смерть цыгана не взяла.

Он их обманет без зазрения.
Или обскочет на кривой.
О, этот вечный дух боренья.
Всегда живой. Всегда живой.

10

Шло время. К дороге дорога.
Шли годы. Табун к табуну.
А кто-то в душе моей трогал
Цыганских распевов струну.

И снова, как будто сначала,
Сквозь многое множество лет,
Струна все звучит, как звучала.
И вовсе конца у ней нет.

То громко, а то и не слишком,
Зовет меня к давней поре,
Как будто я — вот он — мальчишка,
В цыганском ночью шатре.

Все помню. И ясно. И зримо.
Все явственно. Будто вчера.
Полынным закатом багрима,
Цыганка сидит у костра.

Прикрывшись цветастою шалью,
Глядит она в небо с мольбой.
Но разве увидишь за далью
Все то, что случится с тобой?!

Старинных гитар перебранка.
Кибитки в четыре ряда.
А ты погадай мне, цыганка,
Как — помнишь — гадала тогда?!

А ты расскажи по секрету,
Какие мне выпадут дни?
Друзей моих таборных нету.
Да живы ли нынче они?!

Нас всех по земле разметало.
Нас ветры студили. И жгли.
Семнадцатым годом светало
На красных скрижалях земли.

Все в мире ломалось. И пело.
И плакало. Всяко пришлось.
То вострою саблей звенело,
То пулями било насквозь.

Земля нас о счастье просила.
Звала нас на битву гроза.
И встала великая сила
И глянула

правде
в глаза.

11

Весенним днем, году в тридцатом,
Пришлось мне как-то налегке
Бродить по улочкам щербатым
В одном заштатном городке.

Заезжий гость — неспешным шагом
Брожу. Дивлюсь на чудеса.
Вот старый дом под красным флагом,
Как бы поднявший паруса.

Вот на оранжевой фанере
Пожар пылает мировой.
И на виду, в соседнем сквере,
Булыжный факел. Как живой.

Клочок газеты на витрине.
Кипит янтарная слеза.
И столько воздуха и сини,
Что даже ширятся глаза.

Весна... Звончей поют калитки.
Густеет солнце в синеве.
Ползут продрогшие улитки
По развернувшейся листве.

И хоть по старому обужен
Тот городок. И не мощен.
Он новым днем уже разбужен.
И новой песнею крещен.

Брожу по улочкам щербатым.
Стужусь на легком холодке.
Весенним днем, в году тридцатом,
В неброском этом городке.

Читаю улочек названия:
«Извозная». А рядом с ней —
Аллея Зорь. Проспект Восстанья.
И вся история видней.

Как бы чужой причастен тайне,
Минуя улиц череду.
Я вышел к городской окраине,
Где каждый домик на виду.

Их много, схожих и несхожих.
Они владывают тут.
— Скажите! — Я спросил прохожих. —
Как эту улицу зовут?!

— Цыганская!
— Как вы сказали?
— Цыганская! Ошибки нет.
Они живут вот тут едва ли
Не пять, а то и больше лет.

На землю сели. Гнезда свили.
Тут жизнь и совесть на кону.
Мы миром всем постановили
Отдать им улицу одну.

Пускай живут. Беды не зная.
Огню гореть. Заре светать.
А эта улица цветная
Любой красавице под стать.

Она цыганскими руками
Творилась вся. До мелочей.
Такого не было веками,
А время — точный казначей.

12

Дом был похож на человека.
С добрыми синими глазами.
Окна были залиты небом.
И были светлы. И задумчивы.
Я вошел в дом.
У окна сидела старуха.
— Здравствуйте!
Старуха не обернулась.
— Здравствуйте!
Мимо меня метнулась черная кошка
И молча прижалась к старухе.
Старуха обернулась.
Увидела меня.
— Здравствуйте!
— Здравствуй, здравствуй, золотой!
На старухе была широкая
Белая кофта.
И длинная цветастая юбка.
Как тогда. В таборе.
Но эта старуха была старше.
И сдержаннее.
Лицо ее,

Прокопченное кочевыми кострами,
Было морщинистым. И древним.
— Тебе чего, золотой?
И тут я подумал:
Сейчас она обязательно скажет:
— А хочешь, я тебе погадаю?
И старуха сказала:
— Погадать тебе, золотой?
В сахаре ты родился.
В патоке ты купался.
Медом ты умывался.
Пряником ты закусывал.
Золотой. Брильянтовый.
Яхонтовый.
Это я тебе так, понарошку говорю.
По-старинному.
Чтоб самой не забыть.
Да чтоб тебе скушно не было.
На кого погадать-то?
На бубновую? На трэфовую?
Что было? Что будет?
Кто к сердцу прижмет?
Всю правду скажу.
Не скрою.
Старуха протянула мне руку,
Озорные глаза ее заулыбались,
Заиграли
Такой силой,
Таким самородным огнем,
Что я невольно подумал:
Господи, до чего же она
Была когда-то красива?!
И почему время должно разрушать
Эту красоту?
И почему природа не заступилась за нее?
Уж не оттого ли,
Чтобы новые, идущие вслед,
Были еще лучше?
Еще красивее?
Но всегда ли это бывает так?
Всегда ли?
— Ты, золотой, к нашей Марии пришел?
Вот такой-то, как она,
И я была в молодости.
Сколько молодцов на длинной веревке

За собой водила...
А Мария придет — песню тебе сыграет.
Нашу. Цыганскую.
Уважит тебя.
— Нет, бабушка, я по другому делу.
Вот хочу спросить,
Как вам в этих домах живется
После табора
Да после степной воли?!
— А что тебе за печаль?
Ты, золотой, шел мимо нашего дома,
Так и ступай своей дорогой.
А нас трогать не надо.
— Да нет, я не для того.
Зря вы, бабушка, рассердились.
Я цыган очень люблю.
В детстве даже в табор убегал.
Жил там.
— Ну, раз ты хороший человек —
Тогда слушай:
Встали мы как-то табором
Вот под этим городком.
Подальше от дороги да поближе к лесу.
Неделю стоим. Другую.
Осень в тот год была злющая.
Лютая.
Дождь да ветер.
Дождь да ветер.
А нас цыганский пот прошибает.
Трясет, как лихоманка.
Правду про него говорят.
А у нас дети маленькие.
Старухи старые.
Куда деваться?
Костер — и тот не разведешь.
Вода заливаает.
И вот глядим мы как-то,
Едет мимо табора верховой.
Проехал. Рукой помахал.
И скрылся.
Конь под ним добрый был.
Белой масти.
Прошло два дня, глядим —
Опять этот верховой.
Да прямо к нам. В табор.

Вышел к нему вожак,
Отошли они в сторону,
А про что там у них разговор был —
Этого никто не знает.
А нам все хуже да хуже.
А дождик все льет.
А ветер все дует.
Застудились. Беда.
Пришли женщины к вожаку.
Плачут.
— Отпусти нас в город пожить!
Пропадем.
Ну, он согласья не дал.
Не пустил.
А тут снова этот верховой прискакал.
Да к вожаку.
И какой там у них разговор был —
Опять никто не знает.
Вышел этот человек из шатра,
Да как хлопнет в ладоши,
Да как закричит на весь табор:
— Цыгане! За что вам муки такие?
Теперь все люди братья.
Приходите к нам в город,
Мы вам целую улицу отдадим.
Живите. Не печальтесь.
Всем счастья хватит.
Все вместе жить будем!
Ускакал верховой,
А ночью вожак увел табор.
По холоду. Да по грязи.
Вожак последним шел.
Кто отставал — того кнут доставал.
Больно бил. Зло.
Шли мы шли. Ночь на зарю повернула.
Тут молодые и не стерпели.
Окружили вожака.
Велели табор назад поворачивать.
Старики — те молча шли. Не роптали.
Взмахнул вожак рукой. Заплакал.
И пошел прочь с дороги.
Так его больше и не видали.
А мы назад повернули.
С тех пор и живем тут.
К людям прибились.

К теплу да к свету.
Вот ты меня спрашивал,
Хорошо ли мне тут живется?
Кости у меня старые, больные.
Тепла просят. Покоя.
Сколько я по земле дорог исходила,
А того, чего искала, не нашла.
А тут все при мне.
И тепло. И не ветрено.
А вот одного не хватает.
Ой, как не хватает.
Проснись иногда среди ночи,
А над головой — крыша.
И ни одной
 звезды
 не видеть...

13

Войны начинаются внезапно.
Ходит по границе тишина.
А потом обвал. И сразу пятна.
Красные. И — вот она — война.

Вот она — гремучая, шальная,
Вся в лоскутках дыма и огня,
Землю под железо подминая,
Целится в тебя или в меня.

Как она к нам кралась. Как таилась.
Заползала в камни. И в траву.
Отступись, погибель, сделай милость.
Я еще покуда поживу.

Я еще пройду свои походы.
Горюшко свое хлебну до дна.
Высоко взметнулись наши всходы.
Нам бы жить да жить... А тут война.

И пошла железом по живому.
И упала красная роса.
По всему раздолью полемому
Засвистела смертная коса.

Ты слышал, как в голос плачут вдовы?
Отняла мужей у них война.

И сошлись два мира. Две основы.
Два пути. А правда-то одна.

Кто кого! Навеки. Или-или.
Лечь врагу. И никогда не встать.
Мы к нему с бедой не приходили,
Это он пришел к нам яко тать.

И летят к нам вещей предков зовы,
И ведет нас в битву торный путь.
Две души. Два мира. Две основы.
Два врага смертельных. Грудь на грудь.

14

И сказал командарм солдату:
— Вот как только стусится тьма,
Заберись ты в овраг по скату
И ползи. Будто ночь сама.
За оврагом земля бугрится.
Колья тянутся в три ряда.
Укради ты мне ночью фрица
И доставь поскорей сюда.
Он мне нужен немедленно. Срочно.
Украдешь? И сам черт не брат!

— Украду! Уж это точно.
Я цыган! — сказал солдат.

И ушли в ночную вьюгу
Пять разведчиков лихих.
Ночь вращается по кругу
Посреди снегов глухих.

До чего же тихо в мире.
Ни стрельбы. Ни огонька.
Лишь в подоблачном эфире
Звезды светятся слегка.

Тишина. Да ветра всхрапы.
Тишина. Стежок к стежку.
Будто волк, присев на лапы,
Изготовился к прыжку.

Так тревожно. Так обманно.
Сжалось все. И напруглось.

На высоте безымянной
Что-то желтое зажглось.

Впереди взвилась ракета.
Будто высветила дно.
И опять ни зги. Ни света.
И опять темным-темно.

Но беззвучно, но незримо,
Посреди снегов глухих,
В ночь ползут неумимо
Пять разведчиков лихих.

Пять бесстрашных. Через вьюгу.
Пять. У смерти на краю.
Пять, доверивших друг другу
Жизнь свою. И честь свою.

15

И сказал командарм солдату:
— Все исполнил ты. В аккурат.
Слово дадено — значит свято.
А за службу спасибо, брат.
Всех к награде представлю лично.
Дело сделано. В срок. Впопад.
Языка ты украл отлично.

— Я цыган! — Отвечал солдат.

16

Ракетный всполох в зыбком свете.
Тревожный мир, лишенный сна.
Да есть ли что на этом свете
Невосполнимей, чем война?!

Нет, мертвецы не воскресают.
Кто был — тот был. И навсегда.
Березки рваные свисают.
И плачет жухлая вода.

За каждый выстрел свой в ответе,
За горе горькое сполна,
За все, что сделала на свете,
Будь трижды проклята, война.

Но если враг, глумясь жестоко,
Придет с войной к нам — кто кого! —
Тут кровь за кровь. За око око.
Я сам стрелять начну в него.

17

Мы в город вошли на рассвете.
Плясал бесноватый огонь.
А обочь дороги, в кювете,
Лежал — запрокинувшись — конь.

Белки затекли синевою.
Стеклянное небо в очах.
Он мертвой своей головою
При елочках, как при свечах.

Ах милый, ах добрый коняга,
Вот как тебя встретить пришлось.
Пылится немецкая фляга,
Пробитая пулей насквозь.

Торчат обгорелые печи.
То черный, то пепельный цвет.
Да хмурые кошки при встрече
Тревожно глядят тебе вслед.

Тут горе чернело неволей.
Стояло у каждых ворот.
Но вот из канав, из подполий,
Домой потянулся народ.

Домой... А домов-то и нету.
Домой... А дорога черна.
Какую проклятую мету
Оставила людям война.

Пытала. Держала под стражей.
А выжили. Злу вопреки.
Шли женщины с пыльной поклажей.
Шли дети. И шли старики.

Свисала истлевшая ветошь.
Сквозной пробирал холодок.
Постойте, постойте, да это ж
Не тот ли степной городок,

Где песня, по утренней рани,
Сшибала тоску наповал,
Где — помните — жили цыгане.
И я там однажды бывал.

Там новые зрели приметы.
Светлела душа у земли.
Цыганская улица, где ты?
Убили тебя. И сожгли.

А люди всё шли. Вперемежку.
Где стайкой. А где и вразброс.
Вон катит старуха тележку
С натужливым скрипом колес.

Звенит на ухабах корыто.
Гляжу на несчастных горюх.
И тут я признаюсь открыто:
Люблю стариков и старух.

Люблю их раздумчивость речи.
Бывальщин живую игру.
И чуть пообмякшие плечи
На зябком житейском ветру.

И эту неспешность суждений.
И мудрости зрячей зерно.
И добролюбивость радений,
Когда от невзгоды темно.

В них столько терпимости скрыто,
Хоть пройдено сто завихрух.
И я говорю вам открыто:
Люблю

стариков

и старух...

18

— Бабушка, вы местная?
В этом городе живете?
— В нем, в нем. А где же еще?
— Ну, может, ненароком остались.
Пришли откуда.
— Здешний я человек. Коренная.

Самая тутошняя.
Вся родня моя тут прописана.
И сама я в этих местах родилась.
— А при немцах тут были?
— И при немце была. Нагляделась.
Куда ж мне от дома уйти?
Мне ведь в обед —
Сто лет.
Ну, сто не сто,
А — считай — семьдесят отколоколила.
Верных.
— А как же вы одна
Такую кладь тянете?
Это хоть до кого доведись. Трудно.
— Я лошадь справная. Кряжистая.
На мне еще пахать можно.
Куда хочешь увезу.
Вот вы спрашиваете,
Как же это я одна
Такую кладь волоку?
А кто мне, сироте, поможет?
Люди вон своим заняты.
Крышу над головой надо ладить.
Стены ставить.
Жить надо.
А я со всех сторон одна.
— А что же дети? Внуки?
— Мужа я еще на той, на германской,
Похоронила.
А сына эта война взяла.
И внука.
Вот и тяну телегу свою одна.
Да больше все в гору.
Видно, и мне недолго осталось.
Зажилась я.
Скоро и меня господь приберет.
Я уж и белье чистое приготовила.
Спать лягу, а его под голову кладу.
Тут ведь теперь не то что люди —
Целые города помирают.
Хоть большие, хоть маленькие.
А ведь у каждого своя примета.
Своя гордость.
Вот возьмите вы наш городок —
Хоть и ростом невелик,

А тоже в России не последним был.
Лошадьми на всю землю славился.
К нам до войны многие приезжали.
Вам-то не приходилось, часом?
— Приходилось!
Я еще помню, была у вас улица —
Цыганская.
— А как же! Была. Конечно, была.
Мы с цыганами в добре жили.
И нарадуемся вместе. И нагорюемся.
Народ-то горячий. Отзывчивый.
Ты ему песню —
А он тебе две.
Ты к нему с пляской —
А он уже каблуками стучит.
Только не обижай его.
Этого не простит.
Их, видать, столько на веку обижали,
Что на них и места живого нет.
Вся душа в синяках.
Ну, а как Гитлер-то пришел —
Велел он их всех извести. Под корень.
От мала до велика.
Чтоб ни одного не осталось.
Будто и не было такого народа вовсе.
И началась резня.
Где цыгана поймают —
Там ему и смерть.
Что крови-то было пролито —
Веками не высохнет.
И до чего же это, оказывается,
Человека легко убить.
Это родить трудно. Да вырастить.
А убить-то проще всего.
В ту ночь стон стоял
На Цыганской улице.
Всех поубивали. Без пощады.
А как рассвело —
Ни одного живого голоса.
Только на домах рваное железо плачет.
Да собаки воют.
Изо всех, кто там был,
Один цыганенок маленький жить остался.
Досками его завалило.
День он так под ними пролежал,

А ночью выбрался да огородами,
Где бегом, где ползком,
К нам и прибился.
Мой-то дом ближе всех стоял.
Вышла я на стук —
Да так и обмерла.
Стоит он, как божья свечечка.
Весь трясется.
Вот-вот его ветром задует.
Прижала я его к себе,
А он говорить не может.
Только зубы стучат.
Завела я его в дом,
А сама плачу.
Мы уж в городе-то знали
Про ихнее горе.
Нагрела я бадью воды,
Обмыла его, да в подпол.
День прячу.
Два прячу.
А потом собрались мы, соседские бабы,
Да и решили,
Чтоб цыганенок в разных домах жил.
У одних поживет.
У других.
Дескать, сирота божья.
Вот и состоит при добрых людях.
Нарекли мы его Ванюшкой.
Покрасили мы ему голову
В белый цвет,
Голова белой-белой стала.
Вот он и бегаёт с нашими ребятишками.
Белоголовый.
И дали мы тогда клятву:
Как только наши назад придут —
Произвести его обратно
В цыганское звание. В тот же день.
Всю краску с головы смыть.
А ребятишки, с которыми он бегал,
Хоть и маленькие, а ни гугу.
Никому ни слова.
И невдомек было Гитлеру,
Да всем его полициям,
Что мимо них
Живой цыганенок бегаёт.

Белоголовый.
И стал он нам сыном.
Врать не буду, а в каждом доме
У него мать была.
И сестры с братьями.
Тут как-то ночью я проснулась,
Вышла во двор,
Слышу, будто кто-то бревном по бревну стучит.
Глухо так. И земля чуть вздрагивает.
И стали мы по ночам слышать,
Как пушки бьют.
Все ближе да ближе.
Чуем, войско наше к городу подходит.
Ну, тут облавы пошли.
День и ночь.
День и ночь.
В Германию людей угонять стали.
Мы и побежали.
Кто куда.
По оврагам, по лесам да по балкам.
Попрытались в землю поглубже.
Ждем.
А нынче ночью вдруг тихо стало.
Скрытно.
Будто все на земле поумирало.
Ночью немец из города ушел.
А утром наши вошли.
И вот ведь чудо какое:
Сидим мы в лесу —
А все знаем.
И радио у нас нету.
И газет нету.
А все знаем.
Это только на войне так бывает.
Похватили мы барахлишко в руки —
Да и домой.
Кто скорее.
— И про клятву свою забыли?
— Нет, клятву свою мы сдержали.
Нагрели на камнях ведро воды
Да краску с головы цыганенка смыли.
И стал он опять цыганом.
— Ну, а дальше-то что, бабушка?
— А дальше мне говорить страшно.

— Что же дальше?
— А дальше вот что:
Глянули мы на него — а он седой...

19

Странное создание — человек!
Вот он входит в огненную вьюгу,
Через дождь свинцовый. Через снег.
То путем продольным. То по кругу.

Через кровь идет. И через мрак.
Боль кричит. Железо сатанеет.
Как все это выдержит он? Как?
Сломится? Замрет? Закаменеет?

Превратится в камень? Или в лед?
Боль свою безжалостно задушит?
А в себе людское не убьет.
А живую душу не порушит.

А в него летят, чтобы убить,
Разрывные пули-изуверы.
Как он не разучится любить?
Как он не отступится от веры?

В окаянном посвисте, во мгле,
Проклиная каинову мету,
Он стоит на стреляной земле,
Обращенный к разуму и к свету.

20

И хлынули вешние воды.
И вздрогнул апрельский ледок.
И вот я опять, через годы,
В знакомый вхожу городок.

Спускаюсь с пригорка крутого.
В раздумье стою у ручья.
И жизнь повторяется снова,
Вернувшись на круги своя.

Гляжу на пустырь виновато.
Война не жалела огня.

Здесь жили цыгане когда-то,
До страшного судного дня.

За что их? За вины какие?
Под корень. Всех сразу. За что?
Кровавые игры людские,
Да так, чтоб не выжил никто.

А впрочем... А мальчик тот самый?
А тот цыганенок седой,
Со старою русскою мамой
И с черной сиротской бедой?!

Вот новенький дом у дороги.
Стучусь. И негаданно вдруг —
Седой человек на пороге...
И тут

замывается

круг.

— Входите! Ну, что ж вы! Входите!
У нас сквозняки не в цене.

А я вот, как перепел в жите,
Один тут живу. В стороне.
Болею. С войны вот. Контужен.
Вы, часом, не врач? Не ко мне?
Так кто же вам нужен?

— Мне нужен
Потерянный след на войне.

— Не понял!

— Сейчас я отвечу.

Есть встречи — иголка в стогу,
А я расскажу вам про встречу,
Которой забыть не могу.
Все помню... Дымилась воронка.
Обозы текли чередой.

Старуха вела цыганенка,
А был тот мальчишка седой.
И это, как в сказке.

Как в чуде.

Дитя. А глядит стариком.
Всем миром спасли его люди.
Всей каторгой. Всем городком.
С тех пор мне все нету покоя.
Вы знали ли с этой бедой?
Седой... А лицо молодое.

Седой. Бесконечно седой.
Уж это не вы ли? Не вас ли
Ищу я с той давней поры?
И зори всходили и гасли,
И годы срывались с горы,
И вот я стою у порога
Той встречи своей фронтовой.
— Нет, что вы! Седых теперь много.
Война нас белила с лихвой.
Мы все ее мечены следом.
И стужей ее. И огнем.
А случай с цыганом мне ведом.
Тут многие знают о нем.
И это уже, как примета.
И тут не помеха года.
Недаром он каждое лето
Гостить приезжает сюда.
Нет, нет, не залетная птица,
Не отблеск чужого огня,
В какую он дверь ни стучится —
А тут ему каждый родня.
Творят ему сладкие жамки.
Наливки вишневых кровей.
И ждут его русские мамки,
Как ждут дорогих сыновей.
Друзей у него не сочтете.
И кров ему тут. И ночлег.
Теперь он в чести. И в почете.
Большой на земле человек.

21

Вы небо любите в июле?
А в августе? А в сентябре?
Луна в недолгом карауле.
И ночи в звездном серебре.
Мелькнет зарница ненароком.
И канет в небе без следа.
А в небе том, в краю далеком,
Жила стыдливая звезда.

То вдруг покажется. То снова
У неба спрячется в горсти.
А то опять блистать готова,
Сверкнет — и глаз не отвести.

Летит по небу. Выше. Ниже.
Бросает в даль тревожный взгляд.
Ей к людям хочется. Поближе.
Да только боги не велят.

Она сдается им на милость.
А в сердце боль. И непокой.
Она грустит. Она влюбилась.
Ей скучно жить в глуши такой.

А на земле, сквозь мрак лиловый,
Пока звезда вершит полет,
Ей человек седоголовый
Сигнал надежды подает.

И наступает та минута
Той тайной радости, когда
Из бездны, падающей круто,
К нему является звезда.

Она приблизилась тревожно.
Блеснула, свежестью знобя.
Чуть поднялась. Спросила:
— Можно?
— Входи, входи! Я жду тебя!
Уже за ближнюю оградой
Редет ночь. Входи быстрее.
Теперь ты будешь зваться Радой,
Цыганской
спутницей
моей.

...С тех пор — так говорят в народе —
Уже которые года
Среди миров на небосводе
Горит
цыганская
звезда...

1982—1983 гг.
Москва.

Сергей Григорьевич ОСТРОВОЙ

ЦЫГАНЕ

Поэма

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 15.01.88. Подписано к печати 03.03.88. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отг. 1,58. Учетно-изд. л. 1,66. Тираж 150000 экз. Зак. № 1911. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.